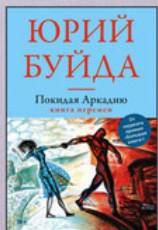

Юрий Буйда

Сторублевый поворот

*Часть сборника
Покидая Аркадию. Книга перемен*

Юрий Васильевич Буйда

Сторублевый поворот

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21180076

Буйда, Юрий Васильевич. Покидая Аркадию. Книга перемен : роман:

Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-90768-7

Аннотация

«...На могиле отца выросла тыква: Дмитрия Ивановича Старикова похоронили в старом пиджаке, карманы которого были набиты его любимыми тыквенными семечками. Он грыз их с утра до вечера, заплевывая шелухой все вокруг. Наталья Ивановна, его вдова, разрывалась на части: готовила еду для поминок, выпросив у соседей взаймы четыре кило говяжьих ребер, носила на кладбище самогонку и закуску для могильщиков, долбивших мерзлую землю, ругалась с оркестрантами, которые заломили неподъемную цену за то, чтобы сыграть три раза Шопена, плакала в похоронном бюро, где надписи на траурных венках сделали с орфографическими ошибками, кормила поросенка, дочь и кур, бегала по соседям, умоляя их прийти пусть не на кладбище, так хоть на поминки, в общем, ей было не до того, чтобы проверять карманы мужа, лежавшего тут же, в доме, в гробу не по росту, поставленном на стол посреди тесной гостиной, где с

низкого потолка свешивалась пластмассовая люстра «каскад» — ее висюльки чуть не касались носа покойника...»

Юрий Буйда

Сторублевый поворот

...мерю человеческой, какова мера и Ангела...
(Откровение, 21:17)

На могиле отца выросла тыква: Дмитрия Ивановича Старикова похоронили в старом пиджаке, карманы которого были набиты его любимыми тыквенными семечками. Он грыз их с утра до вечера, заплевывая шелухой все вокруг. Наталья Ивановна, его вдова, разрывалась на части: готовила еду для поминок, выпросив у соседей займы четыре кило говяжьих ребер, носила на кладбище самогонку и закуску для могильщиков, долбивших мерзлую землю, ругалась с оркестрантами, которые заломили неподъемную цену за то, чтобы сыграть три раза Шопена, плакала в похоронном бюро, где надписи на траурных венках сделали с орфографическими ошибками, кормила поросенка, дочь и кур, бегала по соседям, умоляя их прийти пусть не на кладбище, так хоть на поминки, в общем, ей было не до того, чтобы проверять карманы мужа, лежавшего тут же, в доме, в гробу не по росту, поставленном на стол посреди тесной гостиной, где с низкого потолка свешивалась пластмассовая люстра «каскад» – ее висюльки чуть не касались носа покойника. В конце концов на кладбище собралось человек двадцать-тридцать, включая могильщиков и оркестрантов, и все прошло довольно глад-

ко, невзирая на снегопад, и на поминках никто не напился до безобразия и не подрался, а весной на могиле выросла тыква, и соседи ехидно ухмылялись, и Наталья Ивановна снова оплакивала мужа, над которым смеялись даже после его смерти...

С этой тыквы все и началось, и всякий раз, когда ее жизнь рушилась, Тина вспоминала эту постыдную тыкву, вспоминала те похороны, ту метель, от которой никак было не отвернуться, не спрятаться, пьяненьких музыкантов, вразнобой игравших траурный марш, растерянную и заплаканную мать, которая то снимала обручальное кольцо, то надевала его на узловатый безымянный палец, вспоминала то лето, когда стало известно о злополучной тыкве, о том, как мать схватила мотыгу, ведро, пачку поваренной соли и бросилась на кладбище. Часа полтора она ожесточенно резала, рубила и копала, а когда поняла, что ей не под силу вытащить основной корень, углубившийся в землю метра на полтора-два, высыпала в ямку килограмм соли, полила водой, вернула могильному холму прежнюю форму, села, перекрестилась и заплакала... И плакала до тех пор, пока не встретила Савву Колдуна, с которым жила до весны, а когда Савва решил порвать с ней, позвала на помощь двенадцатилетнюю Тину, взяла ее за пальчик и стала шептать что-то ласковое на ухо, и шептала, и держала за пальчик, и целовала в щечку, пока Савва лакомился ее дочерью...

И вот спустя почти тридцать лет после смерти отца она

снова вспоминала о тыкве. Сидела в своем рабочем кабинете на семнадцатом этаже небоскреба, пила виски, курила, таращилась в окно на ночную Москву, и по лицу ее текли слезы. Сидела в кресле без юбки, со спущенными ниже колен трусиками, в разорванной блузке, из которой вывалилась голая грудь, и думала о тыкве, об этой чертовой тыкве, а когда стряхивала пепел в тарелку, взгляд ее падал на две пуговицы от блузки, валявшиеся на ковре рядом с окурком, который бросил на пол один из насильников, кажется, самый высокий, тот, что поставил ее на колени...

За полчаса до полуночи она объявила, что покидает свой пост, и подняла бокал за процветание компании. Она знала, что человек сто из собравшихся в большом зале ее ненавидели, примерно столько же не любили, а остальным на нее было плевать – среди приглашенных на новогоднюю вечеринку было много людей из региональных офисов, они знали ее как генерального директора, богатую, холеную и красивую стерву из анекдотов и мифов о жизни столичных небожителей...

После курантов она попрощалась с заместителями и скрылась в своем кабинете, чтобы переодеться и взять кое-какие личные вещи, прежде чем уехать домой. В комнате отдыха, примыкавшей к кабинету, она скинула туфли, налила в стакан виски, закурила, повернулась к двери и тотчас вспомнила, что забыла закрыть кабинет, но было уже поздно.

Эти мужчины ничего не забыли – надели лыжные маски,

заперли дверь кабинета и комнату отдыха. И действовали решительно, быстро и грубо, наверняка зная, что кричать она не станет. Она не кричала и не сопротивлялась, хотя они обошлись с нею жестоко, пытаясь унижить как можно больше.

– Ты знаешь, за что, – сказал на прощание тот, что был выше остальных. – Теперь мы квиты.

И ушли, растворились в огромной праздничной толпе.

Она сидела в кресле, вся растрепанная, потягивала виски, курила и смотрела в окно на ночную Москву. Конечно же, она не знала, за что. Но, разумеется, она знала, что за дело. А за какое – уже не важно.

За двадцать лет она многим испортила жизнь, особенно в девяностых. Дважды она чудом избежала смерти от пули наемных убийц, начальник ее охраны погиб при взрыве машины, в которой должна была находиться она. Так что случившееся в комнате отдыха можно считать везением – могли и убить. Конкуренты так и сделали бы. Значит, эти трое из тех сотрудников компании, которых когда-то она лишила бонусов, вышвырнула на улицу или отправила в тюрьму за воровство. Она никогда не останавливалась перед крайними мерами, если речь шла об интересах компании. Беременная жена, маленькие дети, старики-родители, болезни, долги – любые доводы, которые использовали провинившиеся, на нее не действовали. Она давно поняла, что сила – в холоде, и никогда не поддавалась чувствам, а потому и не ошибалась. За это приходилось платить, и к этому она тоже была всегда

готова. Потому и сейчас не копалась в прошлом, чтобы понять, кто эти трое и за что они ей мстили. Она не копалась в прошлом и не пыталась понять, кто это сделал и за что, но слезы текли из глаз, текли и текли...

Зазвонил мобильный телефон.

Тина опустилась на колени, достала телефон из-под кресла.

Это был Савва Колдун, он всхлипывал и мямлил.

– Наташа умерла, – сказал он. – Умерла моя Наташенька...

– У тебя есть деньги?

– Откуда, Тиночка... все ушли на операцию...

– Хорошо, – сказала она, – денег я дам.

– Мне же ноги отрезали, Тиночка, – сказал Савва. – Обе ноги по колено. Ни Наташи у меня теперь, ни ног. Вот кому я теперь такой нужен, безногий-то?

– Никому, – сказала Тина. – Завтра приеду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.